

И. Н. ОЛЕГИНА

ПРОБЛЕМЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СССР В АМЕРИКАНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ СОВЕТОВЕДЕНИИ

Социалистическая индустриализация была важнейшим звеном в процессе создания материально-технической базы социализма, утверждения в СССР социалистических производственных отношений. Ее осуществление обеспечило в кратчайшие исторические сроки преодоление экономической отсталости страны, завоевание экономической независимости и создание военно-экономического потенциала — материальной основы для отстаивания интересов социализма против враждебных действий капиталистического окружения.

История индустриализации СССР — неотъемлемая часть истории борьбы советского народа, руководимого Коммунистической партией, за победу социализма, преодоления на этом пути величайших трудностей. «Новизна, необычность, ни с чем не сравнимые масштабы социальных преобразований и хозяйственного строительства, отсутствие опыта, бешеное сопротивление буржуазии — все это, — отмечал Л. И. Брежнев, — делало борьбу за социализм особенно трудной, не бесконечно благородной и героической».¹

Значение проведенной в СССР социалистической индустриализации ныне не отрицается буржуазными историками и политиками, и на протяжении десятилетий история ее является одним из основных объектов приложения сил буржуазного советоведения. Внимание его представителей к опыту советской индустриализации особенно возросло в 50—60-е гг. в связи с проблемами развития стран «третьего мира», перед которыми после завоевания независимости на очередь дня встала задача преодоления экономической отсталости.

Оценка советской индустриализации в работах буржуазных советоведов коренным образом отличается от той, что дается

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, с. 587.

в марксистской историографии. Большинство буржуазных историков подчиняет свои исследования задаче выявления негативных сторон советской индустриализации и экономического развития вообще (Г. Шварц, П. Уайлз, А. Ноув, А. Эрлих, Д. Даллин, Р. Дэниэлс, Э. Саттон и др.).

Другие авторы (Э. Х. Карр, Р. У. Дэвис, Ч. К. Уилбер и пр.), отмечая положительные стороны советского опыта, плановой системы в особенности, не признают, однако, преимуществ социализма как системы (признание преимуществ социализма как системы — это уже черта прогрессивной историографии). Так, американский историк Ч. К. Уилбер пишет, что он не пытается доказывать, что «советская модель есть достаточное и необходимое условие быстрого экономического роста», но готов «продемонстрировать, что советская модель может обеспечить некоторые полезные уроки для слаборазвитых стран».² Последняя группа авторов представляет объективистское направление в буржуазной историографии Англии и США, тогда как первая, более многочисленная, отражает ее реакционное течение.

Из всего комплекса проблем, затрагиваемых буржуазными историками, мы остановимся на трактовке ими вопросов о выработке курса на индустриализацию и об оценке исторического опыта советской индустриализации. Эти два вопроса тесно связаны между собой, так как от решения вопроса о том, как, какими темпами, на какие средства, с какой очередностью развития отраслей осуществлять индустриализацию, зависит тот образец индустриализации, который имел место в СССР и который берется оценивать представители буржуазной историографии. При оценке же опыта индустриализации в свою очередь нельзя не учитывать той конкретно-исторической обстановки, в которой принималось и конкретизировалось решение об индустриализации.

* * *

С окончанием гражданской войны и завершением восстановления пародного хозяйства со всей остротой встал вопрос о путях дальнейшего развития страны в обстановке стабилизации капиталистической системы вне СССР. Коммунистической партией был взят курс на построение социализма в условиях капиталистического окружения, а его важнейшим звеном являлась социалистическая индустриализация. Принятие и осуществление этого решения проходило в острой борьбе против троцкистов, зиновьевцев, правых. Проблемы темпов индустриализации, очередности развития отраслей, финансирования инвестиций, путей наиболее

² Wilber Ch. K. The Soviet Model and Underdeveloped Countries. Chapel Hill, 1969, p. 4—6.

безболезненной ликвидации аграрного перенаселения, перспективы социалистического преобразования деревни обсуждались также учеными-экономистами, на страницах периодических изданий велась острая дискуссия.

Как же оценивается борьба, связанная с выработкой политики индустриализации, в западной историографии?

Весьма распространенным в буржуазной историографии начиная с 30—40-х гг. является подход, восходящий к троцкистской оценке советской действительности середины 20-х гг. и с конечным выводом, что в ходе индустриализации будто бы была осуществлена троцкистская программа. Этот подход характерен для таких историков, как Д. Даллин, И. Дейчер, Р. Дэниэлс и др. Все эти авторы искажают сущность и глубину разпогласий внутри партии, отрицают принципиальность борьбы партии против троцкизма за ленинский курс на построение социализма в СССР. И Даллин и Дейчер утверждают, что расхождение между линией троцкистов и той политикой, которая имела место, якобы преувеличено.³

Дейчер субъективистски трактует партийную линию в области экономической политики, заявляя, что политика индустриализации на XIV съезде партии будто бы была принята только поминально и начала осуществляться лишь с осени 1928 г.,⁴ когда партия развернула борьбу против правого уклона. Ускорение процесса индустриализации в годы первой пятилетки, в действительности подготовленное всем предшествующим развитием и правильной политикой партии, рассматривается им не больше и не меньше, как переход на позиции разгромленного троцкизма, выступавшего ранее с предложениями, известными как «сверхиндустриализаторские».

Таким образом, время поворота в экономической и социальной политике КПСС связывается Дейчером с фактом завершения борьбы с «левой» оппозицией, а не с уровнем развития экономики и динамикой социально-классовых отношений, что в действительности было определяющим при выработке политики.

Буржуазные историки в целях подтверждения собственных построений факт ускорения индустриализации в годы первой пятилетки (с октября 1928 г.) принимают за начало процесса индустриализации, произвольно опуская ее первый этап 1926—1928 гг.

В действительности периоды 1926—1928 и 1929—32 гг. — это две фазы в осуществлении политики индустриализации, принятой XIV съездом ВКП(б). Первый период подготовил второй. Особенности начального этапа индустриализации было

³ Dallin D. *The Real Soviet Russia*. New Haven, 1944, p. 44, 49, 53; Deutscher I. *Stalin. A Political Biography*. N. Y., 1961, p. 285—287.

⁴ Deutscher I. *Op. cit.*, p. 304, 317, 318.

развертывание ее в условиях преобладания единоличных крестьянских хозяйств, что вело к неустойчивости хлебофуражного баланса, к трудностям в осуществлении всеобъемлющего планирования. Среднегодовой темп прироста промышленной продукции составил в 1926—1928 гг. 21.8%⁵ (этот высокий среднегодовой процент прироста объясняется сочетанием восстановительных и реконструктивных мер в развитии промышленности в рассматриваемый период). В годы первой пятилетки (1929—1932) среднегодовой темп прироста составил 19.1%.⁶

Осуществление директивы об индустриализации проявилось уже в 1926—27 хозяйственном году в увеличении бюджетных ассигнований на цели развития промышленности на 129.7%.⁷

Бюджетные вложения направлялись преимущественно в промышленность, производящую средства производства, что отражало линию на индустриализацию. В объяснительной записке к отчету Наркомфина СССР об исполнении Госбюджета за 1927—28 г. отмечается увеличение доли группы «А» в бюджетных вложениях в госпромышленность: 86.6% в 1926—27 г., 91.2% в 1927—28 г. (абсолютно соответственно 369.7 и 535.8 млн руб.).⁸

В первые годы индустриализации резко увеличились затраты на новое строительство, значительно возросли вложения в реконструкцию и расширение производства и уменьшились затраты на капитальный ремонт, что видно из следующих данных, отражающих динамику капитальных затрат (в %) в союзную промышленность по видам работ.⁹

Вид работ	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Капитальный ремонт	100	91	79
Реконструкция и расширение	100	136	141
Новое строительство	100	260	432

Важной особенностью начального этапа индустриализации страны было то, что значительная доля капиталовложений шла на реконструкцию и расширение действующих предприятий. Например, по трестам черной металлургии в 1925/26—1927/28 гг. затраты на новое строительство составили 35 млн руб. (преимущественно на строительство Керченского металлургического и

⁵ Промышленность СССР. Статистический сборник. М., 1964, с. 32. Процент вычислен.

⁶ Там же, с. 34.

⁷ Индустриализация СССР, 1926—1928 гг. Документы и материалы. М., 1969, док. № 7, с. 57—58.

⁸ Там же, с. 75.

⁹ Там же, док. № 22, с. 235.

Мариупольского трубопрокатного заводов), а на переоборудование и расширение предприятий — 222 млн руб.¹⁰

В обзоре ВСНХ, направленном Совету Труда и Оборона за 1925/26—1927/28 гг. говорится, что капитальные работы по трестам общего машиностроения были направлены в это же трехлетие на увеличение выпуска продукции заводами и «уже в течение обозреваемого периода дали крупный производственный эффект». «По ряду производств мощность заводов значительно превысила довоенную их пропускную способность», налажен ряд новых производств.¹¹ По нефтяной промышленности в 1925/26—1927/28 гг. из вложенных в капитальное строительство 548.7 млн руб. 419.5 млн, или 76.5%, направлено на расширение и реконструкцию.¹²

Опора на реконструируемые отрасли должна была сыграть важнейшую роль в развертывании программы индустриализации в дальнейшем. Переоборудованные предприятия имели лучшие качественные показатели работы, обеспечивая рост внутривымышленных накоплений. Развитие нефтяной и лесной промышленности увеличило возможности экспорта. Для перевода всей промышленности на более высокую техническую базу огромное значение имело осуществление ленинского плана ГОЭЛРО. Электропитающая промышленность в канун первой пятилетки занимала одно из первых мест среди предприятий, добившихся превышения довоенного уровня производства.¹³

Таким образом, из практики первых лет индустриализации следует, что партия последовательно, в соответствии с возможностями страны, осуществляла принятый на XIV съезде курс уже начиная с 1926 г. К аналогичному выводу не могут не прийти те буржуазные исследователи, которые считаются с историческими фактами. Э. Х. Карр — крупный английский историк, автор много томной «Истории Советской России» — в книге «Социализм в одной стране» (5-й—7-й тома этого издания) в полной мере признает значение XIV съезда ВКП(б) как заложившего основы политики индустриализации: «Определенные принципы были безусловно установлены в партийной доктрине и не могли больше оспариваться».¹⁴ Одним из таких принципов он считает то, что индустриализация была «экономическим результатом» принятого курса на построение социализма в одной стране.¹⁵

В книге «Основы плановой экономики» (первый том которой написан Э. Х. Карром совместно с Р. У. Дэвисом) на большом фактическом материале убедительно показано, как начиная

¹⁰ Индустриализация СССР, 1926—1928 гг. Документы и материалы. М. 1969, док. № 16, с. 162.

¹¹ Там же, док. № 17, с. 187.

¹² Там же, док. № 18, с. 190.

¹³ Там же, док. № 23, с. 252.

¹⁴ Сагг Е. Н. *Socialism in One Country. 1924—1926. Vol. I.* London, 1958, p. 353.

¹⁵ *Ibid.*

с 1926 г. политика индустриализации набирала силу, как произошло в ВСНХ, СНК и СТО каждое увеличение инвестиций в промышленность по контрольным цифрам, как утверждались проекты новостроек-гигантов и т. д. Такой показ наращивания темпов индустриализации в соответствии с учетом возможностей экономики противостоит утверждениям, содержащимся в указанных выше работах Дейчера, Даллина и др., будто решение XIV съезда об индустриализации стало выполняться только после окончательного разгрома троцкистов. «Поражение объединенной оппозиции (в 1926 г., — И. О.) — пишут Карр и Дэвис, — не имело результатом какого-либо ослабления курса в пользу индустриализации. Общая экономическая ситуация осенью 1926 г. казалась благоприятной для дальнейшего продвижения вперед. На протяжении периода между пятнадцатой партийной конференцией в октябре 1926 г. и четвертым съездом Советов в апреле 1927 г. и даже позднее этот счастливый прогресс, казалось, равным образом опровергал и скептиков из Наркомфина, и «сверхиндустриализаторов» оппозиции.¹⁶ Э. Х. Карр и Р. У. Дэвис правы, заключая слово «сверхиндустриализаторы» в кавычки, но, очевидно, требуется внести большую ясность в вопрос о сущности взглядов троцкистов на пути реализации политики индустриализации.

Буржуазные авторы имеют обыкновение линию на индустриализацию страны связывать с именем Троцкого. Необходимо разоблачить эту версию. Курс на индустриализацию — ленинский курс, обоснованный Лениным и получивший дальнейшую разработку в партийных решениях. В канун Октября Ленин обосновал положение о необходимости догнать и перегнать капиталистические страны в экономическом отношении. О значении крупной машинной индустрии для дела социализма он постоянно говорил и писал в годы гражданской войны. В плане ГОЭЛРО, вдохновителем которого был В. И. Ленин, в центре внимания — развитие крупной промышленности, являвшейся основой для социалистического переустройства всей экономики, причем предполагалось преимущественное развитие отраслей, входящих в группу А. В докладах и речах на X съезде партии, припавшем НЭП, Ленин подчеркивал значение крупной промышленности для успеха социалистического строительства. В последних статьях и речах В. И. Ленин особенно много внимания уделяет вопросам социалистической индустриализации, акцентируя внимание на необходимости подъема тяжелой индустрии и изыскания средств для финансирования ее развития.

Ф. Э. Дзержинский на апрельском Пленуме ЦК ВКП(б) 1926 г. точно выразил преданность партии идее индустриализации: «Жесткая ошибка думать будто наша партия в 1923 г. и раньше была антииндустриальной и что сейчас она нуждается в принципиаль-

¹⁶ Carr E. H., Davies R. W. *Foundations of a Planned Economy. 1926—1929. Vol. I, pt. I.* London — Melbourne — Toronto, 1969, p. 288—289.

ном повороте своей линии».¹⁷ Г. М. Кржижановский, докладывая на V Всесоюзном съезде Советов о первом пятилетнем плане, подчеркнул совпадение основных его показателей с наметками плана ГОЭЛРО.¹⁸ Все это говорит о последовательности партии в ее отношении к делу индустриализации, о воплощении в жизнь ленинских идей.

У лидеров же троцкистско-зиновьевской оппозиции, которые обвиняли партию в забвении интересов промышленности, было постоянное расхождение между словами и делами. «На словах индустриалисты, а на деле — пособники противников индустриализации», — так характеризовались взгляды оппозиции в резолюции XV партконференции (октябрь—ноябрь 1926 г.) «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)».¹⁹

Действительно, на VII расширенном пленуме Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала Троцкий говорил и о развитии тяжелой промышленности, и о темпе этого развития как решающем факторе, но главные надежды возлагал на выгоды от международного разделения труда, на ввоз оборудования из-за границы, недооценивал возможности социалистической промышленности.²⁰

Ю. В. Воскресенскому на основе использования архивных документов, отражающих прения на пленумах ЦК, удалось показать, что так называемые «сверхиндустриализаторы» на деле затушевывали необходимость первоочередного развития тяжелой промышленности.²¹

Практику же троцкистских «сверхиндустриализаторов» отражала промышленная пятилетка ОСВОК²² на 1925/26—1929/30 гг., составленная под руководством Пятакова. Эта пятилетка оказалась финансируемой не обеспеченной и даже не была внесена в Госплан. Однако в действительности показатели выпуска продукции крупной планируемой промышленности, величины накоплений, объема капиталовложений были превзойдены за 5 лет.²³

Показав на деле свою неспособность разработать программу быстрого индустриального развития страны, оппозиция тем не менее осенью 1927 г. охарактеризовала предварительные пометки

¹⁷ Дзержицкий Ф. Э. Избр. произв. в 2-х т. Т. 2, 1924—июль 1926. Изд. 2-е, доп. М., 1967, с. 297—298.

¹⁸ Кржижановский Г. М. Избранное. М., 1957, с. 263—266.

¹⁹ КПСС в резолюциях..., Т. 3, 1924—1927. М., 1970, с. 410.

²⁰ Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала 22 ноября—16 декабря 1926 г. — Стенограф. отчет. Т. II. М.—Л., 1927, с. 101—102.

²¹ Воскресенский Ю. В. Переход Коммунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации СССР (1925—1926). М., 1969, с. 194, 202, 235—237 и др.

²² ОСВОК — Особое совещание по воспроизводству основного капитала промышленности при президиуме ВСНХ СССР (образованное по приказу последнего от 25 III 1925 г.).

²³ См.: Струмилин С. Г. Избр. произв. в пяти томах. Т. 2. На плановом фронте. М., 1963, с. 214.

первого пятилетнего плана, составленного под руководством В. В. Куйбышева, как «крохоборческого, насквозь пессимистического плана». В связи с этим тогда же С. Г. Струмилин совершенно справедливо писал: «Если оппозиция находит наши планы крохоборческими, то ей следовало бы предложить свои, более оптимистические. Они уж, кстати сказать, пробовали свои способности в этом направлении. Опыт пятилетки ОСВОК, сработанной под руководством Пятакова, у нас всех перед глазами... Мы уже прожили из нее целых два года и знаем, что вместо намеченного ОСВОК 61% прироста продукции за эти годы мы фактически достигли 70%, т. е. превзошли ожидания Пятакова. И весь его „размах“ сказался только в том, что он собрался для своих 61% ухлопать 2484 млн руб. вложений, а нам удалось достигнуть лучших результатов с затратой всего 1774 млн руб.»²⁴

Практика троцкистских «сверхиндустриализаторов» была отражением их неверия в возможность построения социализма в условиях капиталистического окружения.

И вот вопреки этим очевидным историческим фактам ряд авторов, следующих в русле троцкистского анализа развития СССР, рассматривает ускорение индустриализации в годы первой пятилетки как выполнение программы «левых» (троцкистов). При этом они сводят внутрипартийную борьбу второй половины 20-х гг. к борьбе за власть, а последующее социальное и экономическое развитие СССР истолковывают в духе троцкистской формулы о «перерождении». Особенно далеко заходит на этом пути Р. Дэниэлс в книге «Совесть революции. Коммунистическая оппозиция в Советской России». Он вполне солидаризируется с троцкистским подходом к вопросу о возможности построения социализма в одной стране: либо мировая революция, либо «перерождение» социализма в СССР. «Экономические дебаты 20-х годов показали, — пишет он, — что марксистский социализм не может функционировать в России. Спор об индустриализации детально проиллюстрировал предположение, что революция в России не может сохранить свой пролетарский характер, если с ней быстро не будут сочетаться революционные движения где-либо в другом месте. Социализм в одной стране не может реально быть тем, что коммунисты до того времени понимали под этим термином...»²⁵

Осуществление индустриализации, по Дэниэлсу, не приблизило будто бы, а отдалило достижение цели построения социализма, «как его первоначально понимали». Выявились якобы «новое значение социализма» как «системы для осуществления индустриализации и преодоления отсталости с ударением на бюрократическую власть и экономическую иерархию».²⁶

²⁴ Там же, с. 258—259.

²⁵ Daniels R. V. The Conscience of the Revolution. Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge (Mass.), 1960, p. 294—295.

²⁶ Ibid., p. 406, 408.

Не столь категорично, но в том же духе высказывается о перспективах построения социализма в СССР А. Ивницкий. Он выделяет три возможные направления в политике партии и государства: 1) «ставка на революцию на Западе, которая выручила бы находящуюся в трудном положении русскую революцию (основной элемент теории «перманентной революции» Троцкого)»; 2) «стремление построить социализм на основе скудных внутренних ресурсов»; 3) признание поражения России, поскольку Россия не созрела для социализма и неизбежна капиталистическая реставрация (Каутский).²⁷ Ивницкий логично заключает, что «первый путь почти определенно вел бы к тому же самому результату, что и третий»,²⁸ т. е. признает капитулянтский характер троцкистской позиции. Однако он считает, что и второй путь (построения социализма в одной стране, который и имел место) «вследствие отсталости Советского Союза оказался непредвиденно дорогим и привел к созданию ущербного (flawed) и отсталого социализма».²⁹ Таким образом, его позиция оказывается близкой к точке зрения Дэниэлса.

Этот тезис ряда буржуазных историков о построении в СССР социализма «особого рода» (распространенный также в реформистской литературе) опровергается в работах историков-марксистов. Английский марксист Э. Ротштейн в книге «Советский Союз и социализм» убедительно показывает, что несмотря на все трудности построения социализма в стране с наследием экономической и культурной отсталости, в условиях капиталистического окружения, общество, построенное в СССР, отвечает общепринятым в международном социалистическом движении представлениям о социализме.³⁰

Необходимость индустриализации страны и осуществление ее в кратчайшие исторические сроки отнюдь не вели к созданию какого-то «ущербного» социализма, как считают некоторые буржуазные историки. Индустриализация страны не отдаляла, а приближала победу социализма, так как именно в ходе ее успешного осуществления стали возможными глубокие социально-экономические преобразования в стране, завершившиеся ликвидацией многоукладной экономики и победой социалистического уклада. «Социализм, неизбежность победы которого доказана основоположниками научного коммунизма, социализм, построение которого начато под руководством Ленина, стал в Советском Союзе реальной действительностью».³¹

²⁷ Evenitsky A. Preobrazhensky and the Political Economy of Backwardness. — Science and Society, Winter 1966, p. 60.

²⁸ Ibid., p. 61.

²⁹ Ibid.

³⁰ Rothstein A. The Soviet Union and Socialism. London, 1957, p. 34, 36—37, 41, 45, 56—74.

³¹ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1969, с. 21.

И чем дальше остается позади переходный период со всеми его трудностями, годы войны и послевоенного восстановления, тем более проявляются преимущества новой системы. В настоящее время стало реальностью развитое социалистическое общество. «Социалистический мир вступил теперь в такую полосу развития, когда появляется возможность значительно полнее использовать могучие резервы, заложенные в новом строе. Этому способствует разработка и внедрение более совершенных экономических и политических форм, соответствующих потребностям зрелого социалистического общества, развитие которого уже опирается на новую социальную структуру», — говорится в Основном документе Международного совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г.³²

Буржуазные историки, ставящие во главе угла тезис о «перерождении», искажают и методы, и социальные последствия советской индустриализации. Их позиция в отношении советского опыта наиболее негативная. Однако в условиях, когда народы Азии, Африки, Латинской Америки ищут пути ускоренного становления промышленной экономики и преодоления экономической отсталости, для буржуазной историографии эта позиция становится недостаточной и приобретает большое значение ответ на вопрос, что же можно противопоставить советскому опыту. Отсюда — широкое распространение концепций, рассматривающих экономические дискуссии 20-х гг. и последующую индустриализацию под углом зрения поисков альтернативы имевшей место советской экономической политике, и некоторые авторы прямо заявляют, что она должна быть некоммунистической.

Проблему альтернативы советской индустриализации ставят такие авторы, как А. Эрлих, Р. Кэмпбелл, Н. Спалбер, А. Ноув и др.

Американский исследователь А. Эрлих в книге «Дебаты о советской индустриализации, 1924—1928» сопоставляет взгляды троцкиста Преображенского с позицией Шапина, Сокольникова, Бухарина относительно путей развития СССР в тот период, когда завершалось восстановление народного хозяйства и на первый план выдвинулась проблема выбора экономической политики, рассчитанной на длительный период. Согласно одной концепции, следовало предпочесть развитие промышленности за счет замедления роста сельского хозяйства, согласно другой, — нужно было начинать с вложения капиталов в сельское хозяйство и в отрасли промышленности, производящие потребительские товары. Эрлих сознает, что обе эти концепции, будучи воплощенными в экономическую политику, привели бы к серьезным диспропорциям, к тяжелым политическим последствиям, а следовательно, ни та, ни другая не может рассматриваться как серьезная альтернатива

³² Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 302.

имевшему место развитию. Однако Эрлих не отвергает целиком сформулированного Шаниным варианта экономической политики, при которой «мелкое производство должно было служить буксиром всей экономики»,³³ и не отрицает как раз потому, что, по его мнению, весь вопрос мог бы решаться по-другому, если бы попытаться выйти за пределы «закрытой» экономики, т. е. учесть возможность внешней торговли.³⁴

Возможную альтернативу проводившемуся курсу он видит в системе политики, предлагавшейся В. Базаровым. По мнению Эрлиха, базаровская политика «отбора и осторожного расчета неизбежных издержек во времени» будто бы способна была обеспечить индустриализацию наиболее рациональным путем, так как до предела использовала бы возможности ослабления внутренней напряженности.³⁵ Причем это повышение рациональности, смягчение напряженности экономического развития предполагалось, согласно схеме Базарова, в значительной степени за счет отказа «от безусловного принятия закрытой экономики».³⁶

В более поздней работе «Стратегия развития и планирование: советский опыт» предметом исследования Эрлиха является экономическое развитие в годы первых пятилеток. Этот период он характеризует тремя особенностями: «быстрое расширение общественной собственности за рамки современного городского сектора» (коллективизация); «установление всеобъемлющей системы централизованного планирования», «замечательно высокая предельная норма экономического роста».³⁷ Эрлих ставит себе целью проанализировать взаимосвязь между централизованным планированием и высокими темпами роста.³⁸ Внимание его, следовательно, привлечено к проблеме эффективности советского образца экономического роста.

Эрлих пытается проследить, каким образом были преодолены трудности, связанные с выполнением гигантского задания по росту основного капитала в первой пятилетке (на 4/5 по окончательному варианту). «Мрачная реальность ситуации» проявлялась, по Эрлиху, в удлинении и без того большого периода строительства и освоения новых заводов; в сокращении доли вложений в сектор, производящий потребительские товары; в усилении материальных и организационных узких мест вследствие резкого возрастания капитального строительства и в том, что «усвоение новой техно-

³³ Erlich A. The Soviet Industrialization Debate, 1924—1928. Cambridge (Mass.), 1960, p. 30—31.

³⁴ Ibid., p. 140.

³⁵ Ibid., p. 136—140, 142.

³⁶ Ibid., p. 142.

³⁷ Erlich A. Development Strategy and Planning: the Soviet Experience. — In: National Economic Planning. A Conference of the Universities. Ed. by F. Millikan. N. Y., 1967, p. 233.

³⁸ Ibid., p. 234.

логии не могло быть полностью эффективным, когда выполнялось в спешке». ³⁹

«Конечно, если бы этим все исчерпывалось, — пишет он далее, — было бы трудно понять, почему советская экономика не рухнула между 1928 и 1932 годами или не была принуждена к безудержному отступлению». Следовательно, были какие-то «компенсирующие», уравновешивающие факторы? Да, признает Эрлих, «существовали значительные возможности ослабления напряжения». ⁴⁰

Эрлих выделяет следующие возможности ослабления напряжения в условиях быстрого экономического роста: умеренный по сравнению с развитием основных отраслей рост транспорта и жилищного строительства, выполнение вспомогательных производственных процессов в промышленности не путем усиления механизации, а посредством использования физического труда в больших масштабах (политика «двойной экономики»). ⁴¹ Возможность замены недостающего капитала трудом, т. е. фактор «изобильного труда», Эрлих (как и другие исследователи советской экономики) считает особенно важным фактором ослабления напряжения. ⁴² Мобилизация трудовых ресурсов «спасала положение, но не могла делать чудеса»: изобильный труд не мог заменить недостающий металл, обучение рабочих в процессе освоения техники приводило к поломкам оборудования, увеличение количества рабочих приводило к усилению инфляционного давления, ухудшению жилищных условий. ⁴³

Как видим, Эрлих пытается выявить механизм преодоления трудностей, возникших в ходе выполнения первой пятилетки, но способы борьбы с ними он рассматривает с точки зрения экономики «вообще», оставляя в стороне природу социальной системы. На деле же именно на путях строительства социализма стало возможно разрешить многие сложные проблемы экономики, находящейся в процессе индустриализации. Фактор «изобильного труда», возможности политики «двойной экономики» существуют во всех странах с аграрным перенаселением, приступающих к индустриализации, но в то же время эти страны испытывают недостаток в квалифицированных кадрах рабочих и инженеров. Эрлих отмечает трудность обучения большого количества людей, впервые пришедших на производство в СССР в годы первой пятилетки, но ведь успешное ее разрешение — это прежде всего заслуга новой, социалистической системы, обеспечившей ликвидацию неграмотности быстрыми темпами и плановую подготовку специалистов.

³⁹ Ibid., p. 243—245.

⁴⁰ Ibid., p. 245—246.

⁴¹ Ibid., p. 247.

⁴² Ibid., p. 250—251.

⁴³ Ibid., p. 251.

Далее, в ходе индустриализационного процесса (особенно на его начальной стадии) действительно один фактор расширенного воспроизводства (капитал в его производительной форме, т. е. современное оборудование, обеспечивающее повышение производительности труда) мог отчасти заменяться другим, более доступным (трудом). В такой взаимозаменяемости нет ничего необычного, она возможна и в современных развивающихся странах. Только эту взаимозаменяемость не следует переоценивать, она относительна и временна. С. И. Тюльпанов отмечает, что в долговременной тенденции «решающим для темпов роста является использование современных средств труда и достижений науки».⁴⁴ Советское государство, осуществляя индустриализацию, делало ставку на внедрение передовой технологии, обновление станочного парка и т. д. Неверно характеризовать развитие советской экономики в годы индустриализации как базирующееся на экстенсивных факторах, как это обычно делают буржуазные авторы, но нельзя полностью и отрицать этот фактор. Справедливым является суждение Н. П. Шмелева: «Быстрый рост советской экономики в годы индустриализации обусловлен целенаправленным использованием как интенсивных, так и экстенсивных факторов роста в их комплексе и взаимозависимости».⁴⁵

Важнейшими условиями успеха выполнения программы социалистической индустриализации, о которых умалчивает Эрлих и обычно не говорят другие буржуазные авторы, были руководство Коммунистической партии и активность трудящихся масс. Но именно эти факторы выделяют прогрессивные исследователи, марксисты или близкие к ним ученые. Очень ярко и убедительно говорит, например, о новых стимулах к труду при социализме прогрессивный американский публицист А. Р. Вильямс в книге «Советы». «К старым стимулам в работе Советы добавили новый и более характерный стимул — чувство собственности», — отмечает он.⁴⁶ Для того чтобы правильно оценить советскую реальность, по его мнению, надо учитывать и такой важнейший фактор, как революционный порыв народа в создании нового общества. Советский гражданин испытывает чувство, писал он в годы второй пятилетки, «что он вовлечен в огромное предприятие — строительство нового мира».⁴⁷ Ставя вопрос о стимулах к труду при социализме, Вильямс по сути дела ставит вопрос о движущих силах советской индустриализации и решает его с прогрессивно-демократических позиций. Эрлих же на первое место среди факторов, обеспечивающих ослабление напряженности в экономике,

⁴⁴ Тюльпанов С. И. Социальная стратегия и экономические проблемы развивающихся стран. — В кн.: Третий мир: стратегия развития и управление экономикой. М., 1971, с. 28.

⁴⁵ Шмелев Н. П. Проблемы экономического роста развивающихся стран. М., 1970, с. 42.

⁴⁶ Williams A. R. The Soviets. N. Y., 1937, p. 263.

⁴⁷ Ibid., p. 264.

выдвигает внешнюю торговлю: несмотря на плохие условия торговли для СССР в конце 20-х гг. она, по его мнению, помогала уменьшить диспропорцию.⁴⁸ Эрлих с удовлетворением цитирует и слова Ф. Хольцмана о том, что «если бы советская экономика была закрытой полностью в течение первой пятилетки, то индустриализация была бы серьезно задержана, если не полностью приостановлена на многие годы».⁴⁹

Справедливы ли такие суждения буржуазных исследователей?

Прежде всего отметим, что абстрактная постановка вопроса об «открытой» и «закрытой» экономике не может быть плодотворной. А Эрлих в связи с «рекомендациями» В. Базарова связывает «рациональность», экономичность индустриализации с возможностью использования международной торговли, но ведь отношения между СССР и миром капитализма были весьма неблагоприятными отнюдь не по вине Советского Союза. В таких условиях не было возможности использовать все выгоды международного разделения труда. Тем не менее в годы первой пятилетки большая импортная программа (преобладал импорт промышленных товаров) и договоры о техническом сотрудничестве были неотъемлемой составной частью осуществляемой индустриализации.

С другой стороны, для ряда исследователей, наоборот, характерно преувеличение значения использования технологии передовых промышленных стран в советской индустриализации. Например, А. Гершенкрон — известный американский экономист — утверждает, что «заимствованная технология» — «один из основных факторов, обеспечивающих высокую скорость развития в отсталой стране, вступающей в стадию индустриализации».⁵⁰ Д. Берлинер развивает это положение — о преимуществах, вытекающих для страны-подражателя из возможности использования опыта страны-предтечи, — на примере советской индустриализации.⁵¹ И наконец, из последних работ следует отметить исследование Э. Саттона «Западная технология и советское экономическое развитие». Саттон умозаключает: «Так как технология в период между 1917 и 1930 годами брала начало на Западе, а не в Советском Союзе, следовательно, западный вклад был решающим в советском экономическом развитии в течение этого периода».⁵² (Отметим, что это были годы, когда западная технология привносилась в СССР не столько через договоры о техническом сотрудничестве, сколько

⁴⁸ Erlich A. Development Strategy and Planning, p. 246.

⁴⁹ Ibid. См. также: Holzman F. D. Foreign Trade. — In: Economic Trends in Soviet Union. Cambridge (Mass.), 1963, p. 303.

⁵⁰ Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge (Mass.), 1962, p. 8.

⁵¹ Berliner J. S. The Economic of Overtaking and Surpassing. — In: Industrialization in Two Systems, Essays in Honor of Alexander Gerschenkron. N. Y.—London—Sydney, 1966.

⁵² Sutton A. C. 1) Western Technology and Soviet Economic Development, 1917 to 1930. Stanford (Calif.), 1968, p. 4; 2) Western Technology and Soviet Economic Development, 1930 to 1945. Stanford (Calif.), 1971.

через концессии). Здесь неверной сама по себе является посылка, будто заимствование технологии может быть решающим в экономическом развитии страны. Кроме того, значение концессий в советской экономике было невелико как с точки зрения их доли в валовой продукции промышленности, так и с точки зрения внедрения новой технологии в промышленность. Договоры о техническом сотрудничестве в целом сыграли положительную роль в выполнении программы индустриализации, но также не могли быть решающим фактором. Таким образом, Эрлих с его тезисом о преимуществах «открытой» экономики и другие авторы, абсолютизирующие фактор «заимствования технологии», одинаково игнорируют социальные факторы в экономическом развитии и преимущества социалистической системы. Далее основной лейтмотив работ Эрлиха заключается в попытке доказать положение о том, что советский образец экономического роста далек от оптимального. В книге (о периоде 1924—1928 гг.) он отдавал предпочтение концепции «рациональной» индустриализации В. Базарова,⁵³ в статье 1967 г. о периоде первых пятилеток он подчеркивает моменты «неэффективности» в функционировании советской экономики, заявляя, будто «в рамках специфической структуры советской общей стратегии возможности компромиссных „рациональных“ решений в сфере более ограниченных проблем были равны нулю».⁵⁴

И в анализе дебатов, и в характеристике периода, когда споры о выборе пути развития остались позади, Эрлих исходит из предположения о преимуществах рыночного механизма. «Наивысшая достижимая кривая» развития в «гипотетической социалистической экономике» возможна, по его мнению, «благодаря полному использованию преимуществ рыночного механизма плюс отсутствие монополий и лучший учет внешнеполитических эффектов экономических решений».⁵⁵ Следовательно, Эрлих выступает пропагандистом умеренных концепций экономического развития, не предусматривающих активного вмешательства в экономику в целях ее преобразования на социалистических началах, а в вопросе об эффективности советской экономики периода индустриализации, в оценке возможностей советской системы централизованного планирования для обеспечения экономического роста он по сути дела оказывается в одном ряду с приверженцами «рыночного социализма».

Применение концепции, близкой к «рыночному социализму», на практике неизбежно повело бы к деформации экономических отношений социализма, к стихийности и неустойчивости в росте производства, снижению доли накопления в национальном доходе и децентрализации в управлении предприятиями, которая

⁵³ Критику ее см. подробнее в нашей книге: «Индустриализация СССР в английской и американской историографии» (Л., 1971), с. 206—210.

⁵⁴ Erlich A. Development Strategy and Planning, p. 249.

⁵⁵ Ibid., p. 268, comm. 42.

связана с действием механизма рыночной конкуренции.⁵⁶ В условиях, когда решались важнейшие задачи создания социалистической экономики, — через социальные преобразования и структурные сдвиги в хозяйстве страны, — ставка на действие рыночного механизма в духе Базарова или Бухарина могла привести лишь к самым отрицательным последствиям для дела социализма.

Советские исследователи не отрицают значения использования рыночных отношений в переходный период в сочетании с централизованным планированием, но они отдают себе отчет в том, что сложная обстановка периода первых пятилеток не оставляла времени для отрегулировки более гибкого хозяйственного механизма, чем сложившаяся система с высокой степенью централизации. «Международная обстановка, — пишет Н. П. Шмелев, — не оставляла советским плановым органам возможностей для более широкого развития системы косвенных экономических регуляторов хозяйства. Нельзя было терять времени: создание же планового механизма, в котором в полную меру использовались бы рыночные отношения и стоимостные рычаги, требовало немалых сроков, и советскому хозяйству пришлось бы пережить, вероятно, длительный период неопределенности, прежде чем оно получило бы какой-то эффект от большей гибкости хозяйственных отношений».⁵⁷

Обратимся к другим оценкам советского образца экономического роста. Они имеют много общего в анализе путей преодоления чрезвычайно напряженных ситуаций, характерных для процесса ускоренной индустриализации.

Крупный английский экономист А. Ноув — автор ряда монографий, в которых анализируется функционирование советской экономики, — в статье «Взрывчатая модель» обращается к советской модели индустриализации в связи с проблемами развивающихся стран. В странах, приступающих к индустриализации, по его мнению, возникает «большое и опасное противоречие между спросом и предложением труда, которое может привести к социальному и политическому взрыву».⁵⁸ Ноув ищет причины, объясняющие, каким образом Советскому Союзу удалось избежать такого исхода, хотя аграрное перенаселение в 20—30-е гг. было большим. Он называет следующие причины: использование передовой техники в ключевых отраслях и основных процессах и сохранение устаревших образцов в других отраслях, применение неквалифицированной рабочей силы на вспомогательных операциях («двойная экономика» по Эрлиху); сохранение в числе действующ-

⁵⁶ См.: Ольсевич Ю. Я. Эффективность экономики социализма. Критика буржуазных и ревизионистских концепций. М., 1973, с. 100—103.

⁵⁷ Шмелев Н. П. Проблемы экономического роста развивающихся стран, с. 32—33.

⁵⁸ Nove A. The Explosive Model. — The Journal of Development Studies. A Quarterly Journal Devoted to Economic, Political and Social Development, October 1966, p. 2.

щих неэффективных предприятий, т. е. работающих нерентабельно; «иррациональность», неэкономичность инвестиционной политики.⁵⁹ Ноув, как видим, по существу также обходит вопрос о преимуществах социалистической системы в осуществлении индустриализации. При этом через термин «иррациональность» инвестиционной политики Ноув как раз фиксирует особенности осуществления индустриализации без учета интересов частного капитала. Так, Ноув усматривает связь между ликвидацией безработицы в городах и помещением капитала без учета прибыльности, отмечая при этом, что «ни одна группа частных капиталистов», возможно, не могла бы действовать подобным образом.⁶⁰

Ноув признает, что в осуществлении политики индустриализации следует учитывать «стратегию развития», т. е. принимать в расчет интересы страны в целом и не только в ближайшие годы. Он отмечает, что Советский Союз шел здесь непроторенным путем, что на Западе вопрос о критериях инвестиций не только не был разработан теоретиками, но вплоть до 50-х гг. даже не ставился.⁶¹

А. Ноув в работе «Экономическая история СССР» выделяет следующие три группы вопросов, впервые поставленных в повестку дня именно в СССР: 1) отдавать ли предпочтение вложениям в промышленность или в сельское хозяйство; 2) как разрешить противоречие между выгодностью краткосрочных инвестиций и стратегией развития; 3) проблема сбалансированного или несбалансированного роста, известная на Западе по работам Хиршмана и Нурксе.⁶²

Однако, признав новаторство СССР в постановке сложных экономических проблем, связанных с реализацией политики индустриализации, А. Ноув в способе их разрешения видит скорее предостережение, чем пример, которому надо следовать. Основной причиной неприятия Ноувом советского опыта индустриализации (как бы вбирающей в себя все его другие возражения) является то, что осуществление политики социалистической индустриализации было связано с проведением коллективизации сельского хо-

⁵⁹ Nove A. The Explosive Model. — The Journal of Development Studies. A Quarterly Journal Devoted to Economic, Political and Social Development, October 1966, pp. 6—9.

⁶⁰ Ibid., p. 11.

⁶¹ Ibid., p. 9; Nove A. An Economic History of the USSR. London, 1969, p. 129—130. Следует отметить важнейшие работы по этой проблематике, появившиеся на западе во второй половине 50-х годов: Domar E. D. Essays in the Theory of Economic Growth. N. Y., 1957; Hirschman O. The Strategy of Economic Development. New Haven, 1958; Nurkse R. Problems of Capital Formation in Underdeveloped Countries. Oxford, 1958.

⁶² Nove A. An Economic History of the USSR, p. 130—133. Теории несбалансированного роста предполагают, что не обязательно следует стремиться достичь сбалансированного роста на всех участках, но установить такую несбалансированность, которая обеспечивала бы разрыв «смыкающихся замкнутых кругов» и давала стимул для дальнейшего изменения (см.: Nove A. The Soviet Economy. An Introduction. London, 1961, p. 290).

зяйства.⁶³ При этом Ноув не отрицает, что ресурсы деревни должны быть использованы на нужды индустриализации.⁶⁴ Альтернативным путем развития деревни, по Ноуву, было бы создание «коммерчески мыслящего меньшинства в сельском хозяйстве» (т. е. несоциалистический путь), но в СССР «продвижение в этом направлении натолкнулось на идеологически-политический барьер».⁶⁵ Ставя в такую плоскость проблему альтернативы, Ноув сразу отвергает возможность нахождения народнохозяйственного оптимума в условиях строительства социализма, он ищет некоммунистическую альтернативу индустриализации СССР. Нельзя сказать, что Ноув совершенно абстрагируется от социально-политических условий осуществления оптимума, но это не влияет на его общую негативную позицию: он отвергает советский опыт со всеми его главными чертами и особенностями.⁶⁶

В действительности принятие политических решений (таких, как курс на коллективизацию), направленных на достижение цели построения социализма, и осуществление народнохозяйственного оптимума не находятся заведомо в противоречии. В ретроспективе, принимая во внимание опыт СССР и других стран социализма, учитывая более высокую степень познания закономерностей строительства социализма, а также достижения экономических и математических наук, можно представить более экономически эффективную индустриализацию. Однако в отличие от Ноува и других искателей альтернативы мы считаем, что речь идет об альтернативе, лежащей в рамках социализма, т. е. вариантах социалистической индустриализации. В переходный от капитализма к социализму период народнохозяйственный оптимум зависел от динамики развития социальных отношений в пользу социализма. Ликвидация же многоукладности в народном хозяйстве и построение основ социалистической экономики происходили в острой классовой борьбе. Коллективизация сельского хозяйства, ликвидация кулачества как класса — это были процессы, связанные с острой классовой борьбой, в ходе которых создавались новые условия осуществления оптимума. С построением социализма закономерности социалистической экономики начинают действовать в полную силу.

Не все авторы столь категоричны в характеристике советского опыта, как Ноув. Некоторые находят возможным использование его, — правда, не целиком, а отдельных элементов — и не для всех государств, а лишь при решении проблем развивающихся стран. При этом, оставаясь буржуазными историками, они исходят отнюдь не из признания преимуществ социализма как системы. Так, Нортон Додж и Чарлз Уилбер пишут, что «СССР, кажется, открыл новую главу в мировой экономической истории — эру форсиро-

⁶³ Nove A. An Economic History of the USSR, p. 150, 158, 173.

⁶⁴ Nove A. The Peasants, Collectivization and Mr. Carr. — Soviet Studies. April 1959, p. 386.

⁶⁵ Nove A. An Economic History of the USSR, p. 124.

⁶⁶ Ibid., p. 378—379.

ванного экономического роста в странах с аграрным перенаселением».⁶⁷

Какие же характерные черты советского опыта промышленного развития считают приемлемыми для развивающихся стран Додж и Уилбер? Во-первых, это «принятие образца несбалансированного роста посредством помещения очень большой доли вложений в тяжелую промышленность за счет других секторов экономики».⁶⁸ В целом они признают, что курс на преимущественное развитие металлургической и других отраслей, производящих средства производства, который осуществлялся в Советском Союзе, оказался достаточно эффективным.⁶⁹ Второй чертой советского опыта Додж и Уилбер считают осуществление экономии капитала и квалифицированной рабочей силы через применение «двойной» или «смешанной» технологии.⁷⁰ И, наконец, в-третьих, Додж и Уилбер подчеркивают важность советского опыта обучения и подготовки квалифицированных кадров. «С самого начала индустриализации советские плановики глубоко оценивали значение человеческого капитала в процессе развития», — пишут они.⁷¹

В этих суждениях Доджа и Уилбера особенно важно подчеркнуть позитивные выводы, содержащиеся в первом и третьем пунктах.

В основу статьи Доджа и Уилбера положены докторские диссертации авторов, написанные в 1960 г.

Остановимся подробнее на работе Уилбера, увидевшей свет в 1969 г. Касаясь проблем метода исследования, Уилбер отмечает, что метод, пригодный для описания капиталистической экономики (например, ортодоксальная теория — неоклассическая или кейнсианская), не может успешно использоваться при описании феодализма или социализма. «Ортодоксальная теория», по мнению Уилбера, — недостаточно эффективный инструмент и для анализа «процесса экономического развития» (проблемы которого являются центральными в его книге), так как процесс «затрагивает не только чисто экономические отношения, но и всю социальную, политическую и культурную ткань общества».⁷²

Уилбер ратует за «историко-теоретический подход», за учет конкретной исторической реальности (с тем, чтобы избранный теоретический подход не мешал ее осмыслению).⁷³ При написании книги Уилбер имел беседы с прогрессивным экономистом П. Бараном, с марксистом В. Перло.⁷⁴ В его книге неоднократно при-

⁶⁷ Dodge N. T. a. Wilber Ch. K. The Relevance of Soviet Industrial Experience for Less Developed Economies — Soviet Studies, January 1970, p. 330.

⁶⁸ Ibid., p. 332.

⁶⁹ Ibid., p. 333—334, 338.

⁷⁰ Ibid., p. 341.

⁷¹ Ibid., p. 346.

⁷² Wilber Ch. K. Op. cit., p. 7—8.

⁷³ Ibid., p. 9—10.

⁷⁴ Ibid., p. VII—VIII.

водятся суждения марксиста-экономиста М. Добба. Все это говорит о воздействии на Уилбера прогрессивной английской и американской историографии. И все же теоретической цельности, последовательности в его работе нет, порой он пытается эклектически соединить суждения по тому или иному вопросу авторов разных направлений, привлекает для подкрепления того или иного своего положения цитаты из книг, авторы которых защищают концепции, расходящиеся с его собственной.

Таким образом, хотя для Уилбера очевидна недостаточность традиционной буржуазной политэкономии при исследовании проблем экономики развития, он не переходит и на позиции марксистской политэкономии. В результате, признавая многие кардинальные преимущества советского опыта индустриализации, он уклоняется от ответа на вопрос о преимуществах социалистической индустриализации в целом.

Остановимся на характеристике Ч. Уилбером советской модели экономического развития, «исторически возникшей из опыта социалистического развития». Создание «предпосылок модели» связано, по его мнению, с разрывом кабальных финансовых обязательств России в отношении капиталистических стран, с устранением влияния иностранных капиталистов в экономической области, «перераспределением политической и экономической власти». «В сумме это обычно означает социальную революцию, которая, по крайней мере номинально, перераспределяет политическую и экономическую власть в пользу рабочих и крестьян», — пишет Уилбер.⁷⁵ И здесь, и в дальнейшем Уилбер признает важность социальных преобразований для обеспечения функционирования модели советского типа. Однако ценность этого признания снижает его заявление о «номинальном» (а не фактическом) перераспределении власти, вновь возвращающее Уилбера в рамки тенденциозных схем и концепций буржуазной науки.

Далее, «институциональная характеристика модели» включает, по Уилберу, «коллективизированное сельское хозяйство, предприятия в общественной собственности, всеобъемлющее центральное планирование, централизованное распределение главных материалов и средств производства и систему административного контроля и давления на предприятия в дополнение к побудительным мотивам, чтобы обеспечить соответствие с планом».⁷⁶

Характеризуя «стратегию развития в модели», Уилбер выделяет высокие нормы образования капитала, приоритет основных отраслей, производящих средства производства, систему «двойной технологии», «обильные инвестиции в человеческий капитал» и т. д., а во внешней торговле — политику замещения импорта.⁷⁷

Уилбер выделяет действительно важные для развивающихся стран черты советской модели, этим он отличается в лучшую

⁷⁵ Ibid., p. 13.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Ibid.

сторону от многих западных исследователей. Не имея возможности остановиться на всех отмеченных им особенностях советской модели (каждую из них он подробно характеризует в своей книге), выделим лишь три важных вопроса, по которым Уилбер высказывает интересные, не типичные для буржуазной историографии суждения: о значении социальных изменений в советской модели развития, о значении национализации и социалистической собственности, о роли коллективизации в обеспечении промышленного развития.

Уилбер отмечает важность социальных изменений, связанных с социалистической революцией, ибо в ходе их выдвигается класс, «ориентированный на изменения», класс, способный использовать «общественный излишек» производительно.⁷⁸ Он признает важность аграрных преобразований и отказа от «прусского» пути в сельском хозяйстве (характерного для многих слаборазвитых стран при вступлении на капиталистический путь), поскольку благодаря господству лендлордов «действительный общественный излишек» гораздо меньше потенциального.⁷⁹ В связи с этим для него очевидно значение аграрных преобразований в первые годы Советской власти, приведших к ликвидации класса помещиков.⁸⁰

«Советский подход — устранение избыточного потребления бывшего правящего класса, перемещение многочисленных запятых непродуцируемым трудом рабочих в сферу социально-производительных запятых, рационализация сельскохозяйственной и промышленной структуры, курс на крупные хозяйства и устранение утечки капитала — расширил действительный общественный излишек, доступный для экономического развития», — пишет Ч. Уилбер.⁸¹

Национализацию (земли, промышленных предприятий и т. д.) он рассматривает прежде всего в плане увеличения «действительного общественного излишка»: поскольку «прежние владельцы национализированной собственности» не реинвестировали большую долю получаемого ими дохода, а либо тратили ее на предметы роскоши, либо вкладывали ее за границей. «Следовательно, было возможно увеличить порму вложений», — заключает он.⁸²

Остапавливаясь на часто выдвигаемых буржуазными авторами возражениях, будто этот положительный эффект национализации перекрывается отрицательными (ущерб собственности во время революционного переворота, уход квалифицированных техников

⁷⁸ Wilber Ch. K. Op. cit., p. 16—23.

⁷⁹ Ibid., p. 18. Важно подчеркнуть, что казалось бы ясный вопрос о необходимости аграрных преобразований для экономического развития оспаривается ныне некоторыми буржуазными экономистами. Например, А. Гершенкрон считает, что для аграрной революции вполне можно найти институционный заменитель. И в этом вопросе Уилбер находится не на стороне Гершенкрона.

⁸⁰ Wilber Ch. K. Op. cit., p. 29.

⁸¹ Ibid., p. 22.

⁸² Ibid., p. 53—54.

и управляющих, ненадежность механизма обобщественного хозяйства), он заключает, что по прошествии какого-то периода времени «увеличенная норма вложений, возможная после экспроприации, более чем покрывает эти потери».⁸³ Отвергает он также соображения в пользу компенсации бывших собственников.⁸⁴

Каковы должны быть размеры общественной собственности? Это, по Уилберу, определяется задачами обеспечения центрального планирования.⁸⁵ Важно, что Уилбер говорит о преимуществах не только планирования, но и общественной собственности, рассматривая их во взаимосвязи (что сближает его с прогрессивной историографией): «Большое преимущество общественной собственности и центрального планирования в Советском Союзе было в их способности преодолеть известный „замкнутый круг бедности“ Нурксе».⁸⁶

В книге Уилбера значительное внимание уделено «роли социалистического сельского хозяйства в советской модели». Сельское хозяйство обеспечивало осуществление индустриализации двумя путями: 1) предоставляя капитал в виде продовольствия и сырья для промышленности и экспорта; 2) освобождая значительное число сельских работников для работы в промышленности.⁸⁷ Ключом к решению этих задач была организация сельского хозяйства на коллективных началах.⁸⁸ Высвободить значительное количество людей для работы в промышленности (не на сезон, а постоянно) сельское хозяйство смогло потому, что в результате его реорганизации выросла производительность в расчете на одного человека, занятого в сельском хозяйстве.⁸⁹ В приводимой им таблице этот

⁸³ Ibid., p. 54.

⁸⁴ Ibid., p. 55.

⁸⁵ Ibid., p. 58. Тем не менее, признавая преимущества общественной собственности и центрального планирования в СССР, Ч. Уилбер утверждает, что размеры общественной собственности в стране превышают те, которые необходимы, чтобы пользоваться всеми выгодами централизованного планирования (ibid., p. 59, 60).

⁸⁶ Ibid., p. 60. Ч. Уилбер приводит следующие слова Нурксе о «замкнутом круге бедности» в сфере спроса и предложения капитала: «Что касается предложения, то небольшая способность накапливать является следствием низкого уровня реальных доходов. Низкий уровень реальных доходов есть отражение низкой производительности, которая в свою очередь обязана большей частью недостатку капитала. Недостаток капитала есть результат небольшой способности накапливать и, таким образом, круг замкнулся».

Что касается спроса, то стимул к инвестициям может быть низким из-за слабой покупательной способности людей, которая обуславливается их маленьким реальным доходом, который в свою очередь обязан низкой производительности. Низкий уровень производительности есть результат малой суммы капитала, используемого в производстве, которая, в свою очередь, может иметь причиной, по крайней мере отчасти, слабый стимул к инвестициям» (Nurkse R. Op. cit., p. 4—5).

⁸⁷ Wilber Ch. K. Op. cit., p. 30—31.

⁸⁸ Ibid., p. 39.

⁸⁹ Ibid., p. 32, 36, 37.

рост выражается в таких относительных данных: 1928 г. — 100; 1940 г. — 144,4; 1959 г. — 253,4.⁹⁰

Как видим, Уилбер подчеркивает положительную роль коллективизации в обеспечении функционирования советской модели развития, и в отличие от многих своих коллег не абсолютизирует ошибки, имевшие место при ее осуществлении.⁹¹ Он отмечает также, что «нет никаких свидетельств, что система коллективного сельского хозяйства сама по себе ведет к исчезновению стимула».⁹² Понижение интереса к общественному хозяйству в земледелии, по мнению Уилбера, было вызвано действовавшей системой цен, обеспечивавшей накопление капитала для промышленного развития, а не отсутствием стимула к коллективному хозяйству как таковому.⁹³

Примерно такой же оценки системы цен в годы первых пятилеток придерживаются и советские исследователи.⁹⁴ Важно отметить, что тяготы индустриализации несло не только крестьянство, как это нередко пытаются представить западные буржуазные авторы, но и все трудящиеся. Баланс стоимостных обменов, рассчитанный А. А. Барсовым, показывает, что доля использованного для промышленного развития прибавочного продукта, произведенного в сельском хозяйстве, составила в годы первой пятилетки 33,4%, во вторую пятилетку и в предвоенные годы была на уровне 20—25%,⁹⁵ то есть в финансировании индустриализации преобладали средства, предоставленные городом, рабочим классом.

Среди социальных изменений, обеспечивающих экономическое развитие, Уилбер особенно выделяет «великое расширение доступности образования на всех уровнях», которое «было главным фактором, убыстряющим развитие новых отношений и навыков, способствующих индустриализации». Подчеркивает он также значение медицинского обслуживания и социальных служб. «Советские методы были успешными в установлении институтов, содействовавших социальному изменению и экономическому развитию», — пишет Уилбер.⁹⁶

Ставит Уилбер и вопрос о «социальной цене» развития. Он считает, что социальные издержки развития надо видеть в перспективе, учитывая те опасности, которые несет отсталость, недостаточное экономическое развитие (голодовки, болезни, нищета).

⁹⁰ Wilber Ch. K. Op. cit., p. 38.

⁹¹ Ibid., p. 49.

⁹² Ibid., p. 51.

⁹³ Ibid., p. 49—51.

⁹⁴ См.: Макарова М. Ф. План и закон стоимости при социализме. — В кн.: Методологические проблемы экономической науки. М., 1967, с. 69, 70, 73; Основные закономерности построения социалистической экономики. М., 1967, с. 240.

⁹⁵ Барсов А. А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969, с. 134, 188.

⁹⁶ Wilber Ch. K. Op. cit., p. 26, 27.

Западные историки, отмечает он, подходят с неравной меркой при определении «цены» западной и советской индустриализации: «Когда речь идет о западной индустриализации, о человеческой цене обстоятельно говорится, но обычно с ней обращаются как с простым уклоном от в целом здоровой и моральной системы. С другой стороны, та же самая цена в советской индустриализации рассматривается как неотъемлемая часть советской социальной системы. Отсюда одна система нуждается только в реформе, в то время как другая по существу — зло и никогда не может быть ничем другим, кроме зла».⁹⁷

Уилбер довольно точно обрисовал подход большинства западных исследователей к сравнительной оценке капиталистической и социалистической индустриализации, и к его чести надо сказать, он отделяет себя от тех, кто апологетически оценивает капиталистическую индустриализацию, а трудности советской индустриализации выводит из самой природы социалистического строя. По Уилберу, те, кто идут по стопам Советского Союза, не обязательно должны повторять «социальные издержки советской модели».⁹⁸ Он оставляет открытой возможность альтернативы, но его отношение к самой проблеме значительно отличается от того, которое проявляют А. Ноув и А. Эрлих. Таким образом, объективно оценка Уилбером советского опыта противостоит интерпретации этой проблемы, характерной для реакционного направления в буржуазной историографии. Уилбер учитывает конкретно-исторические условия, в которых проходила индустриализация в СССР, видит много положительного в советском опыте, но, оставаясь буржуазным исследователем, не дает утвердительного ответа на вопрос, имеет ли советская система преимущества перед капиталистической в осуществлении индустриализации.

Между тем преимущества социализма в осуществлении индустриализации убедительно видны при сопоставлении количественных показателей, характеризующих индустриализацию СССР и наиболее динамичных капиталистических стран. По расчетам Н. П. Шмелева, народнохозяйственная отдача средств, отвлеченных от потребления на цели индустриализации, в Советском Союзе была намного выше. Для того чтобы обеспечить 1% прироста национального дохода, Советскому Союзу в годы первых пятилеток требовалось отвлечь из сферы потребления 1.1—1.6% национального дохода, США в 1840—1890 — 4—5.5; Англии в 1770—1850 гг. — 4.5—5; Японии в 1878—1918 гг. — 2.5—3.5; Германии в 1850—1900 — 5—6; Франции в 1850—1900 гг. — свыше 5%.⁹⁹

Еще более показательны социальные итоги; советская индустриализация была важнейшим звеном в становлении социали-

⁹⁷ Ibid., p. 109.

⁹⁸ Ibid., p. 128.

⁹⁹ Шмелев Н. П. Ук. соч., с. 44.

стического строя, создании общества без эксплуатации, кризисов и безработицы.

Различный подход к оценке западного и советского образца индустриализации, распространенный на Западе, отмечал еще Э. Х. Карр в своей книге «Что такое история?». На него и ссылается Уилбер, видя в нем как бы своего союзника в этом вопросе.¹⁰⁰

В 1967 г. Э. Х. Карр поместил в сборнике, изданном в Кембридже в честь марксиста М. Добра, статью по проблемам советской индустриализации, в которой зафиксировал симптоматичную эволюцию оценок индустриализации Великобритании исследователями Запада в зависимости от поворотов советской истории. Например, после русской революции 1917 г. болезненнее стала восприниматься критика британской промышленной революции, данная Марксом: «Стало оскорбительным соглашаться с Марксом или писать то же самое о британской экономической истории, что писали советские историки».¹⁰¹ Карр выступает против идеализированной апологетической трактовки британской индустриализации, против рассмотрения ее как «нормы». Эта статья Карра, признающего крупное значение социалистической индустриализации и ее опыта в СССР, стала объектом нападок А. Гершенкрона, посвятившего в 1969 г. в Кембридже целую лекцию изложению своих расхождений с Карром и полемике с ним. Гершенкрон критикует Э. Х. Карра за «непонимание» им его (Гершенкрона) концепции, выявляющей зависимость образца индустриализации от стадии отсталости.¹⁰² Концепция стадий отсталости Гершенкрона не распространяется на развитие СССР, но предметом спора между Гершенкроном и Карром стала именно оценка советской индустриализации. Карр пишет в статье: «Советская индустриализация не является ни уникальным феноменом, ни отклонением от установленной и принятой модели, но важной стадией в процессе развития, который начался два столетия назад и еще имеет длинную историю впереди. Специфическая черта советской индустриализации заключается в ее связи с планируемой экономикой».¹⁰³ В данной цитате Карра недостаточно подчеркнуто качественное своеобразие советской индустриализации, однако его позиция выгодно отличается от позиции Гершенкрона, который видит в советской индустриализации образец, обращенный к прошлому, а не к будущему. Гершенкрон нехотя соглашается, что можно-де принять планирование как заменитель рынка, как «специфическую

¹⁰⁰ Wilber Ch. K. Op. cit., p. 109.

¹⁰¹ Carr E. H. Some Random Reflections on Soviet Industrialisation. — In: Socialism, Capitalism and Economic Growth. Essays presented to Maurice Dobb. Ed. by C. H. Feinstein. Cambridge (Mass.), 1967, p. 273.

¹⁰² Gershenkron A. Europe in Russian Mirror. Four Lectures in Economic History. Cambridge (Mass.), 1970, p. 104—110.

¹⁰³ Carr E. H. Some Random Reflections on Soviet Industrialisation, p. 282.

технику» в условиях отсталости.¹⁰⁴ Однако для него это лишь один аспект — и не главный — советского образца развития. Советский образец был, согласно его утверждениям, «акцентирован военными соображениями», еще более существенным он считает наличие специальных институтов, «предназначенных заставить население принять и нести огромное бремя» (имеется в виду коллективизация сельского хозяйства).¹⁰⁵ По Гершенкрону, это было возвращением к методам петровского времени. «И всякий разговор о том, что этот опыт представляет последнее слово человеческого прогресса — главный тезис и заключение статьи проф. Карра в „Random Reflections“ — должен волей-неволей быть попыткой навести глянец на этот решающий аспект советского развития».¹⁰⁶

А. Гершенкрон критикует Э. Х. Карра с реакционных позиций концепции «диктатуры»,¹⁰⁷ концепции, не учитывающей качественного своеобразия планируемой социалистической индустриализации СССР и извращающей ее характер (даже самое слово «социалистическая» им не употребляется).

Э. Х. Карр прав, подчеркивая выдающуюся роль советского планирования в осуществлении индустриализации страны, воздействие его примера на мировую хозяйственную практику. Осуществляемая ныне в СССР экономическая реформа в условиях развитого социализма имеет целью повысить эффективность и гибкость социалистического планирования. «Исключительно важную роль приобретает теперь правильная постановка планирования, — говорил Л. И. Брежнев на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, — ... многие из сложностей, с которыми нам приходится сталкиваться в области экономики, имеют свои корни в тех или иных недочетах планирования, в несовершенстве планов, а также в недостаточно четком их выполнении. Поэтому одна из важнейших задач состоит в том, чтобы постоянно совершенствовать методы планирования, увеличивать научно-техническую и экономическую обоснованность планов, как текущих, так и перспективных».¹⁰⁸ С повышением эффективности советского планирования еще более возрастает его международный авторитет.

Рассмотренные работы западных историков свидетельствуют об остроте полемики в буржуазной историографии Великобритании и США вокруг советского опыта индустриализации, политики партии в этом вопросе, проблем советской экономической истории вообще. Буржуазная историография представляет собой арену борьбы объективистской и реакционной тенденций, при этом

¹⁰⁴ Gerschenkron A. Europe in Russian Mirror, p. 116.

¹⁰⁵ Ibid., p. 116—117.

¹⁰⁶ Ibid., p. 117.

¹⁰⁷ Ibid., p. 119.

¹⁰⁸ Брежнев Л. И. Ленинским курсом... т. 2, с. 572—573.

реакционная тенденция все еще является преобладающей. Историки-объективисты не признают преимущества социалистической индустриализации, но в целом видят много положительного в советском опыте, в «советской модели». Марксистская критика должна учитывать расстановку сил, идейную борьбу в лагере буржуазной историографии, используя положительные сдвиги в позициях буржуазных историков в борьбе с реакционными концепциями. Однако при этом важно выявлять непоследовательность, внутреннюю противоречивость объективистских концепций. Для советских историков и экономистов важнейшая задача критики буржуазных концепций дополняется задачей создания глубоких исследований по истории социалистической индустриализации СССР.